

УДК 94(47).083

Шапиро Б.Л.¹

**КРИЗИС РУССКОГО ПУШНОГО ПРОМЫСЛА И ТОРГОВЛИ:
ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ МЕХОВОЙ МОДЫ
ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Shapiro B.L.

**CRISIS OF RUSSIAN FUR TRADE AND INDUSTRY:
CAUSES AND CONSEQUENCES FOR WORLD WAR I FUR FASHION**

Russian State University for the Humanities, Moscow

Реферат: *Анализируется состояние пушного промысла и торговли в России XIX в., его динамика на рубеже XIX – XX вв. и в начале XX в. Основой исследования выступила отчетная документация русской пушно-меховой отрасли и модная периодика. Акцент делается на состоянии отрасли в годы Первой мировой войны. Отдельно отмечаются факторы, ведущие к кризису отрасли: открытие Сибири для колонизации, ее быстрое экономическое развитие, проблемы транспортного сообщения в годы Первой мировой войны, мобилизация на фронт работников. Лакуны пушно-мехового рынка, возникшие вследствие кризиса, заполнялись импортным товаром, а меховая мода остро реагировала на происходящие изменения.*

Ключевые слова: *русская культура, пушной промысел, пушная торговля, Первая мировая война, мода, меховая мода, история костюма.*

Abstract: *The article analyzes the state of the fur trade and industry in the XIX century Russia and its dynamics at the turn of the XIX – XX centuries and at the beginning of the XX century. The basis for the research is the reporting documentation of Russian fur industry and fashion magazines. The emphasis is on the state of the industry during the First World War. Factors leading to the crisis of the industry: the opening of Siberia for colonization, its rapid economic development, problems of transport communication during the First World War, the mobilization of workers to the front. Fur market gaps, caused by the crisis, filled with imported goods, and fur fashion keenly reacted to the changes.*

Key words: *Russian culture, fur trade, fur trade, World War I, fashion, fur fashion, history of costume.*

¹ *Шапиро Бэлла Львовна* - кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва), b.shapiro@mail.ru

В начале XIX в. Россия обладала, казалось, неисчерпаемыми охотничьими ресурсами. Промысловое освоение русского Севера, Сибири и Урала – Тобольской, Томской, Иркутской, Енисейской губерний, Якутской и Забайкальской областей, Туруханского края и Приморской части Восточной Сибири, а также Пермской губернии и так называемой «подстоличной Сибири» – Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерний [8, с. 3; 13, с. 66] предоставило империи огромное количество натуральных мехов высокой ценности.

В статистических отчетах по промыслу и торговле русской пушниной ежегодно фигурировали более двух десятков наименований: несколько сортов лисицы – красная («огневка»), черно-серая или бурая чепрачная или («крестовка»), черная и черно-бурая, бурая, седая (черно-бурая с большим количеством седых волос), сиводушчатая (буровато-желтый цвет с темным подшерстком, серовато-желтым огузком и синевато-темным брюхом), горностаи, белый и голубой песец, выдра речная и морская (камчатский бобр), черный, бурый и белый медведь, пыжик (олень), волк, белый и темный хорь, барсук, куница, колонок и норка, рысь, сибирский (амурский) тигр и леопард, дикая кошка, заяц

русак и заяц беляк, белка, и, конечно же, «царь» русской пушнины – соболь [5, с. 17-18; 8, с. 4]. Многомиллионные обороты пушнины (в т. ч. невыделанным сырым, а также выделанным и выделанным шитым мехом) и готовых меховых изделий составляли одну из традиционных особенностей России. Спрос на русский мех и на внутреннем, и на внешнем рынке был огромен.

Главными всероссийскими пунктами по продаже сырой пушнины были Якутская и Ирбитская ярмарки, расположенные в непосредственной близости к основным районам заготовки. Славилась пушной Обдорская ярмарка; локальную нишу занимали небольшие Анадырская, Чукотская и Анюйская [6, с. 101-104; 7, с. 76] ярмарки и ярмарки Европейского Севера России [16, с. 110-116]. Небольшие, но постоянные обороты имели ярмарки местного значения, где пушнина обменивалась на товары потребления для местного населения (Учурская пушная ярмарка и др. [11, с. 131]).

На продаже обработанного (т.е. выделанного и шитого) меха специализировалась Нижегородская (бывшая Макарьевская) ярмарка – главная ярмарка России и одна из крупнейших в мире, расположенная на перекрестке важнейших торговых путей, соединявших Европейскую

Россию, Сибирь, Дальний Восток, Среднюю Азию и Арабский мир.

Не менее 90% пушно-мехового привоза Нижегородской ярмарки имело отечественное происхождение [15, с. 207]. Здесь торговали всеми видами русского меха: наряду с текстилем и металлами, они входили в тройку главных ярмарочных товаров. Отсюда меха доставлялись в страны Европы, Азии, Америки, а также на оптовые склады и в магазины Санкт-Петербурга и Москвы [2, с. 11, 20; 8, с. 9, 12; 15, с. 209-210]. Некоторая часть пушнины шла напрямую на всемирно известные пушные аукционы – в Лейпциг, Лондон и Париж. Лейпцигская ярмарка – одна из старейших в мире – была главным пунктом мировой пушно-меховой торговли и мировой торговли русским мехом.

Главной пушной ценностью России был соболь; повсеместным и стабильным был спрос на лисицу, песца, белку и зайца [5, с. 23-25; 8, с. 12; 9, с. 6-7]. Объемы пушно-мехового торгового оборота ежегодно увеличивались; рос и экспорт русского меха (только за 1830-1860 гг. стоимость привоза мехового товара на Нижегородскую ярмарку утроилась [15, с. 211]; вывоз в Европу с первых лет XIX в. до 1870-х гг. увеличился более чем в 5 раз [2, с. 25]). В 1880-х гг. рост продолжался; наибольший

привоз основных видов мехового товара на главных пушных ярмарках России пришелся на 1885-1895 гг.

Первоначально рынок поддерживался усилением эксплуатации природных ресурсов и стремлением восполнить недостаток на рынке наиболее ценных мехов менее ценными: количество добываемой пушнины не убывало, но, постепенно, изменялся ее состав [5, с. 20; 11, с. 134, 136]. «Количество берет верх над качеством и поэтому неудивительно, что наибольшую ценность товаров, обращающихся на ярмарке, составляют предметы общенародного потребления», – отмечали уже в 1858 г. [Цит. по: 15, с. 209]. Оскудение добычи ценной пушнины усугубилось уменьшением промыслового ареала вместе с продажей Аляски (1867 г.).

Обозначенные моменты стали прологом пушно-мехового кризиса, развернувшегося перед Первой мировой войной. Поставки соболя на Ирбитскую ярмарку – главный мировой торговый пункт невыделанной соболиной пушниной – за первые десять лет XX в. снизились на 78% [10, с. 135]. Лучшие сорта соболя исчезли или были близки к исчезновению (в т. ч. соболь так называемой «голубой воды») [8, с. 12].

В новых условиях высококачественные соболь, горностай, камчат-

ский бобр оценивались чуть ли не на вес золота, но были представлены на торгах лишь единичными экземплярами. Так, привоз баргузинского соболя – лучшего из всех возможных, с очень темным, пышным и шелковистым мехом – на Ирбитскую ярмарку в 1909 г. составлял всего 90 шт. [5, с. 19; 9, с. 6; 22, с. 8]. На пути к исчезновению находился камчатский бобр: в 1910 г. на о. Беринга и о. Медном (оба – Командорские о-ва, традиционное место добычи) было добыто всего 90 шт. [1, с. 293; 4, с. 90; 22, с. 3].

К этому моменту на территории Российской империи истреблена почти вся лесная кошка. Наблюдается значительная, более чем в два раза, убыль численности горностая; заметно истощение промысловой базы песца, рыси, куницы [5, с. 19; 8, с. 4; 22, с. 4]. Это коснулось даже белки, промыслового зверька, распространенного в России повсеместно. Сокращение популяции белки было вызвано усиленной активизацией охоты на нее, вместо редкого теперь соболя [10, с. 134]. Отчетливо наблюдался быстро прогрессирующий кризис рынка пушнины ценных сортов и высокого качества, т. е. именно того, что исторически составляло специфику русского меха.

Важнейшими моментами, повлиявшими на состояние рынка, нужно

назвать, помимо бесконтрольной круглогодичной охоты, и другие антропогенные факторы. Открытие Сибири для колонизации, быстрое экономическое развитие региона после открытия Ленских золотых приисков (1844 г.), развитие сети электропередач (с 1896 г.), телефонной сети и электрифицированной железной дороги (обеих – с 1898 г.) обернулись уничтожением природной среды обитания пушного зверя. Сокращение популяций пушных зверей и ареалов их распространения были прямо пропорциональны росту антропогенной нагрузки. Еще одним серьезным негативным фактором стала локальная экологическая катастрофа на территории Восточной Сибири после падения Тунгусского метеорита в июне 1908 г., когда был уничтожен лес в радиусе 40 км (80 млн деревьев на площади более 2150 кв. км) [18, с. 86-100; 21, с. 97-105].

В итоге, к началу Первой мировой войны уже очевидно, что представление о России как о бескрайнем и неисчерпаемом источнике ценной пушнины оказалось ложным. Прежде доходы от ее продажи составляли важную часть государственного бюджета; в военное время оскудение этого источника дохода виделось крайне нежелательным. Проблема сохранения ценных видов пушных животных становится объектом при-

стального внимания не только ведущих меховщиков, т.е. представителей крупных мехоторговых фирм Российской империи, но и правительства.

Организуется, пусть и запоздалое, обсуждение мер по упорядочиванию пушного промысла, прежде всего соболиного. В 1914 г. Министерство земледелия снарядило экспедицию для исследования состояния соболиного промысла в Баргузинском уезде Забайкальской области. Результатом стало учреждение охотничьих заповедников в Баргузинском и Минусинском уездах [12], однако, действовали они недолго: съезд промышленников в Баргузине 1917 г. постановил, что «заповедник – учреждение совсем лишнее» [12, с. 140]. По мнению промысловиков, для сохранения популяции соболя было достаточно грамотной эксплуатации имеющегося природного запаса [13, с. 65].

Еще в 1912 г. был принят Закон «Об установлении ограничительных мер по охоте на соболя». Согласно ему, в течение трех лет воспрещалась не только охота на соболя в Западной Сибири, но также продажа, покупка, перевозка, вывоз за границу, хранение соболиного меха, добытого в период действия закона. По истечении указанного срока вводился запрет на весенне-летнюю охоту

на соболя и на продажу весенне-летнего соболиного меха. Однако самый ценный пушной зверь России – баргузинский соболь – в это время оказался уже почти «истребленной расой» [Цит. по: 13, с. 69]. В годы действия «соболиного» закона в продажу поступал только низкогокачественный соболь из Монголии и Китая и русский соболь, добытый ранее 1912 г. [8, с. 12; 9, с. 6; 13, с. 67-68; 22, с. 16]. Очевидно, что условия военного времени изменили деятельность не только пушного промысла, но и пушной торговли. С началом Первой Мировой войны прервалась связь с Лейпцигом – «солнцем пушного рынка» [22, с. 2] и главным заграничным покупателем русского соболя. Взамен были найдены новые покупатели в странах-союзниках: в Англии, Франции и США [13, с. 65], но развитию торговых отношений мешали транспортные проблемы военного времени и мобилизация на фронт охотников и работников пушной отрасли.

Упадку рынка также способствовало снижение спроса на меховые товары, особенно сегмента люкс: внимание общественности вынужденно сконцентрировалось на овчинных полушубках. Потребление предметов роскоши почти прекратилось, и центральное место русской пушно-меховой торговли заняли от-

носителем недорогие заяц, лисица и песец. Стабильным спросом пользовалась белка, которую в России традиционно носили все социальные группы, «от вельможи до простолюдина» [19, с. 290]. На отечественный рынок хлынули доступные по цене мерлушка, козьи, волчьи и лисьи меха из Центральной и Средней Азии, и Закавказья.

Одновременно значительно уменьшился привоз дорогих иностранных мехов (преимущественно американского и австралийского происхождения): кенгуру и морского котика, тасмана (опоссума, который продавался под названием японского медведя), скунса, выхухоли, шиншиллы, енота. Товары этого сегмента поступали на рынок небольшими партиями. В военное время цены на иностранный мех удвоились, но, несмотря на это, он раскупался состоятельными покупателями подчистую [3, с. 8; 5, с. 23; 14, с. 190-192]. Российские фэшн-журналы одобрили меховую экзотику, рекламируя ман-

то и отделку одежды из кенгуру, выхухоли, скунса [20]. Для более консервативных (или экономных) покупателей предлагалось сочетание в одном изделии традиционного для России меха с необычным: барашка со скунсом, горностая с шиншиллой, и т. д. [17].

В итоге, пушно-меховая отрасль, составлявшая неотъемлемую часть традиционной русской культуры, в годы Первой мировой войны переживала невиданный до сих пор кризис. Повышенный спрос на русский мех способствовал бесконтрольному промыслу ценных промысловых животных, что привело к истощению их ресурсов до крайних пределов и ослаблению рынка. Оскудение рынка, в свою очередь, послужило к тому, что иностранный мех хлынул в Россию со всех сторон: из Европы, США, Азии и даже Австралии. При активной поддержке fashion-индустрии формировались новые стандарты «русской» меховой моды военного времени.

Список литературы:

1. Берх В.Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов или Подвиги русского купечества. С присовокуплением исторического известия о меховой торговле. СПб.: Тип. Н. Греча, 1823. 171 с.
2. Гринвальдт П. Меховая торговля в России и за границей. Рига: Тип. Л. Вейде, 1872. 44 с.
3. Гринвальдт Э.М. О меховой торговле. СПб.: Тип. А.М. Менделевича, 1896. 16 с.
4. Гринёв А.В. Специфика товарообмена русских с туземцами Аляски в 1741-1867 гг. // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 66-98.

5. Громова А.И. Краткий очерк пушной промышленности в Сибири. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, 1896. 36 с.
6. Карих Е.В. Анюйская ярмарка во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 317. С. 101-104.
7. Кит Т.В. Ярмарки в Приамурском крае в начале XX в. // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2008. № 5 (141). С. 72-77.
8. Кулагин Н.М. Богатства России. Русский пушной промысел. Пг.: Изд. М и С. Сабашниковых, 1923. 58 с.
9. Кулагин Н.М. К вопросу о пушной торговле в России. М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев, 1916. 7 с.
10. Курышова И.В. Причины ограничения пушного промысла в Байкальском регионе в конце XIX – начале XX в. // Историко-экономические исследования. 2013. Т. 14. № 3. С. 131-138.
11. Кушнарева М.Д. Значение ярмарок в развитии пушной торговли (северо-восточная Сибирь во второй половине XIX – начале XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4-1 (84). С. 130-137.
12. Кушнарева М.Д. Политика государства в сфере охраны пушных ресурсов Сибири в годы Первой мировой войны // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 9. С. 136-141.
13. Кушнарева М.Д. Пушная торговля на северо-востоке Сибири и государственная политика в годы Первой мировой войны // Сибирь и войны XIX – XX веков. Сборник материалов всероссийской научной конференции. Новосибирск: НГПУ, 2014. С. 65-74.
14. Ледров С.М. Нижегородская ярмарка в период Первой мировой войны: особенности торговли пушниной // Приволжский научный журнал. 2013. № 4 (28). С. 189-193.
15. Ледров С.М. Торговля мехами на Нижегородской ярмарке в первой половине XIX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. История. 2012. № 1 (1). С. 207-212.
16. Лейман И.И. География ярмарок на европейском севере России: из истории в современность // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2014. № 1 (17). С. 110-116.
17. Модные меховые вещи // Модный курьер. 1911. № 43. С. 437.
18. Сапунов В.Б., Половая О.В. Экологические аспекты Тунгусского феномена 1908 г. // Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета. 2009. № 10. С. 86-100.
19. Скобликов М.В. Хозяйственные и технические руководства, издаваемые от Императорского Вольного экономического общества: руководство к выделке кож, овчин и мехов. СПб.: Тип. Департамента Внешней торговли, 1852. 303 с.
20. Хроника моды // Модный курьер. 1914. № 2. С. 9-10.
21. Черных В.В. Первые пожары и их происхождение // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2010. № 1. С. 97-105.
22. Шрейбер А.Ф. Падение пушного промысла в Сибири, причины его и меры к поднятию. Иркутск: Ирисы, 1916. 23 с.

References:

1. Berh V.N. Hronologicheskaja istorija otkrytija Aleutskih ostrovov ili Podvigi rossijskogo kupechestva. S prisovokupleniem istoricheskogo izvestija o mehovoj trgovle. SPb.: Tip. N. Grecha, 1823. 171 s.
2. Grinval'dt P. Mehovaja trgovlja v Rossii i za granicej. Riga: Tip. L. Vejde, 1872. 44 s.
3. Grinval'dt Je.M. O mehovoj trgovle. SPb.: Tip. A.M. Mendelevicha, 1896. 16 s.
4. Grin'ov A.V. Specifika tovaroobmena russkih s tuzemcami Aljaski v 1741-1867 gg. // Antropologicheskij forum. 2016. № 29. S. 66-98.
5. Gromova A.I. Kratkij ocherk pushnoj promyshlennosti v Sibiri. M.: Tip. O-va rasprostraneniya poleznykh knig, 1896. 36 s.
6. Karih E.V. Anjujskaja jarmarka vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 317. S. 101-104.
7. Kit T.V. Jarmarki v Priamurskom krae v nachale XX v. // Vestnik Dal'nevostochnogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk. 2008. № 5 (141). S. 72-77.
8. Kulagin N.M. Bogatstva Rossii. Russkij pushnoj promysel. Pg.: Izd. M i S. Sabashnikovyh, 1923. 58 s.
9. Kulagin N.M. K voprosu o pushnoj trgovle v Rossii. M.: Tipo-lit. T-va I.N. Kushnerev, 1916. 7 s.
10. Kuryshova I.V. Prichiny ogranichenija pushnogo promysla v Bajkal'skom regione v konce XIX – nachale HH v. // Istoriko-jekonomicheskie issledovanija. 2013. T. 14. № 3. S. 131-138.
11. Kushnareva M.D. Znachenie jarmarok v razvitii pushnoj trgovli (severovostochnaja Sibir' vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.) // Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 4-1 (84). S. 130-137.
12. Kushnareva M.D. Politika gosudarstva v sfere ohrany pushnykh resursov Sibiri v gody Pervoj mirovoj vojny // Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politologija. Religiovedenie. 2014. T. 9. S. 136-141.
13. Kushnareva M.D. Pushnaja trgovlja na severo-vostoke Sibiri i gosudarstvennaja politika v gody Pervoj mirovoj vojny // Sibir' i vojny XIX – XX vekov. Sbornik materialov vserossijskoj nauchnoj konferencii. Novosibirsk: NGPU, 2014. S. 65-74.
14. Ledrov S.M. Nizhegorodskaja jarmarka v period Pervoj mirovoj vojny: osobennosti trgovli pushninoj // Privolzhskij nauchnyj zhurnal. 2013. № 4 (28). S. 189-193.
15. Ledrov S.M. Torgovlja mehami na Nizhegorodskoj jarmarke v pervoj polovine XIX veka // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Istorija. 2012. № 1 (1). S. 207-212.
16. Lejman I.I. Geografija jarmarok na evropejskom severe Rossii: iz istorii v sovremenost' // Izvestija Komi nauchnogo centra UrO RAN. 2014. № 1 (17). S. 110-116.
17. Modnye mehovy veshhi // Modnyj kur'er. 1911. № 43. S. 437.

18. Sapunov V.B., Polovaja O.V. Jekologicheskie aspekty Tungusskogo fenomena 1908 g. // Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo gidrometeorologicheskogo universiteta. 2009. № 10. S. 86-100.
19. Skoblikov M.V. Hozjajstvennyye i tehicheskie rukovodstva, izdavaemye ot Imperatorskogo Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva: rukovodstvo k vydelke kozh, ovchin i mehov. SPb.: Tip. Departamenta Vneshnej trgovli, 1852. 303 s.
20. Hronika mody // Modnyj kur'er. 1914. № 2. S. 9-10.
21. Chernyh V.V. Pervye pozhary i ih proishozhdenie // Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politologija. Religiovedenie. 2010. № 1. S. 97-105.
22. Shrejber A.F. Padenie pushnogo promysla v Sibiri, prichiny ego i mery k podnjatiju. Irkutsk: Irisy, 1916. 23 s.